

УДК 811.161.1'373.45:070(476)

Функционально-стилистические и семантические особенности употребления белорусизмов в русскоязычных газетах Беларуси

А.Л. СТРИЖАК

Анализируются функционально-стилистические и семантические особенности употребления белорусизмов в русскоязычных газетах Беларуси за период 2010–2015 гг. Выделяются и описываются важнейшие функции иноязычных вкраплений в русскоязычном тексте, анализируется специфика употребления таких слов в государственной и негосударственной прессе, выявляется дополнительная стилистическая, семантическая и прагматическая нагрузка белорусизмов в русскоязычной периодике.

Ключевые слова: белорусизм, русскоязычный текст, функционально-стилистические особенности, семантические особенности, прагматическая нагрузка, иноязычное вкрапление.

The functional and stylistic and semantic features of the use of belorusizms in Russian newspapers of Belarus for the period 2010–2015 are analyzed. The most important functions of foreign language insertions in the Russian-language text are allocated and described, the specifics of the use of such words in the state and non-state press are analyzed, additional stylistic, semantic and pragmatic load of belorusizms in the Russian-language periodicals is revealed.

Keywords: belorusizm, Russian text, functional and stylistic features, semantic features, pragmatic load, foreign language inclusion.

Обращение к газетным текстам для исследования закономерностей развития лексической системы русского языка обусловлено самим характером газетной публицистики, специфика которой в наибольшей степени проявляется на лексическом уровне. Как известно, газетный текст характеризуется максимальной оперативностью, ориентирован на постоянный поиск выразительных средств языка. Кроме этого, газета аккумулирует все лексическое богатство функциональных стилей русского языка, оригинальным образом сочетает элементы этих стилей, трансформирует лексические свойства языковой единицы, адаптируя иностилевые элементы и пополняя ими состав газетной лексики.

Научные исследования языка периодической печати постсоветского периода в Беларуси ограничены и представлены отдельными публикациями и диссертационными исследованиями: [1, с. 49–54], [2, с. 71–74], [3, с. 66–69], [4, с. 40–43], [5, с. 103–106]. Ряд работ белорусских лингвистов представлен сопоставительными исследованиями: [6, с. 8–10], [7, с. 101–104], [8], [9, с. 49–50], [10]. Вместе с тем анализ функционирования белорусизмов в русскоязычном газетном тексте представлен достаточно фрагментарно: [3], [5], [9].

Уникальность современной социолингвистической ситуации в Беларуси заключается в том, что более половины населения считают родным белорусский язык (60,8 %), тогда как используют его в качестве языка повседневного общения всего лишь 26 % (коммуникацию на русском языке осуществляют 69,8 % населения нашей страны) [11]. Вместе с тем можно с уверенностью говорить о том, что значительная часть населения владеет белорусским языком на достаточном уровне, позволяющим определить принадлежность того или иного слова родному языку, правильно интерпретировать его значение.

В данной статье исследуется русскоязычная белорусская периодика за период 2010–2015 гг.: государственное издание – «Советская Белоруссия» (СБ) и негосударственное – «Белгазета» (БГ). Отличительным признаком указанных изданий является ориентация на максимально широкую аудиторию, т. е. глубокая дифференциация публикуемых материалов – от узко специальных, до рекламно-развлекательных, адресуемых массовому читателю. Общий объем материала, послужившего фактической основой для настоящей статьи, составляет около 600 контекстов, извлеченных из газет «Советская Белоруссия» и «Белгазета» методом сплошной выборки.

Предметом рассмотрения является прагматический аспект функционирования белорусизмов, определение их функционально-стилистической и семантической нагрузки в

текстах периодической печати. Под белорусизмом нами понимается принадлежащий системе белорусского языка элемент, употреблённый в тексте на русском языке. К белорусизмам относятся:

а) слова белорусского языка, не имеющие полностью совпадающих по форме и содержанию соответствий в русском языке;

б) слова белорусского языка, имеющие соответствующие по форме и содержанию слова на русском языке; слова русского языка имеют иную стилистическую окраску либо принадлежат к областной лексике;

в) слова белорусского языка, имеющие соответствия по форме в русском языке при несовпадении объёма значений [12, с. 68–69].

В ходе анализа нами была выявлена устойчивая группа белорусизмов, регулярно используемых в текстах «Советской Белоруссии» и «Белгазеты» в роли своеобразных экспрессивно-оценочных средств: *змагар, валтузня, утрыманцы, ганьба, хованка, гультай, тутэйшы, памяркоўны, шчыры, чэсны, свядомы, гамон, знянацку*. Рассмотрим входящие в данную группу лексические единицы – имена существительные.

Так, значение существительного *змагар* – ‘борец; поборник; ревнитель’ [13], где каждый из вариантов содержит позитивнооценочную семантику. Вместе с тем нами отмечено только 2 контекста в газете «СБ», где лексема *змагар* реализует собственно номинативную функцию: *Впоследствии на всех выступлениях Павлюк рассказывал о своей героической юности, о том, что с 16 лет был «змагаром-партизаном»* (СБ, дек. 2004); ср.: ... *единственная женщина в правительстве БНР и отважная революционерка-эсерка, отвергнутая таким же «палкім змагаром» Томашем Грибом, она все же не взяла верх над жизнью...* (СБ, сент. 2003).

Одна из особенностей функционирования некоторых белорусизмов в русскоязычных газетах Беларуси заключается в приобретении ими коннотативного компонента значения, возникающего не столько вследствие осознания такого рода вкрапления как чуждого, несвойственного русскоязычному тексту, сколько в результате апелляции к денотату – полностью скомпрометировавшему себя образу оппозиционера, активно критикующего современную социально-политическую обстановку в Беларуси: *Голосами «креативного класса» в украинский парламент прошла полуфашистская партия «Свобода». Да и доморожденные «змагары» – тоже сплошь «креативные»* (СБ, июнь 2013); ср.: ... *размахом своей деятельности этот «змагар» обязан не только откровенному очковтирательству белорусских националистов, но и... советским органам госбезопасности* (СБ, фев. 2006); или: *Зато знаю, побывали, и не раз, кто в Москве, кто в Брюсселе, кто в Берлине, кто в Стокгольме, я уже не говорю о Варшаве и Праге – туда наши «змагары» чуть ли не через день ездят* (СБ, фев. 2011). В негосударственной прессе слово *змагар* реализует схожую негативнооценочную функцию, позволяющую говорить о формировании у данной номинации нового значения ‘убежденный националист’: *Напрасно: «змагар» – не синоним оппозиционера. Скорее, змагарство – субкультура, паразитирующая на политике* (БГ, фев. 2013); ср.: *Наши собеседник – отнюдь не профессиональный «змагар»: «Терпеть не могу безголовую оппозиционность, когда все кругом д...о»* (БГ, дек. 2008).

Регулярное употребление слова *змагар* без кавычек даёт основания предположить, что коннотативный компонент прочно закрепился в его значении, в результате чего лексема используется в роли пейоративной оценочной единицы: *На это, разумеется, и рассчитывают разного рода змагары, пытаясь не мытьём, так катаньем сорвать грядущий чемпионат* (СБ, фев. 2013); ср.: ... *но змагары никак не поймут одной простой вещи: когда ты играешь на политическом поле, все личное автоматически становится публичным* (БГ, фев. 2014); или: ... *в случае необходимости внимание выкормывшей можно заострить на том, чем кончил их любимый змагар и симпатизант Польши* (БГ, янв. 2014). Усилению выразительности способствует включение рассматриваемого белорусизма в состав прецедентного высказывания: *Короче, не ходи, Таня, в ПП НС – змагар башка попадёт, совсем плохой будешь* (о путях развития политической карьеры Татьяны Короткевич) (БГ, дек. 2015).

Следующие газетные контексты иллюстрируют возникновение у номинации *змагар* нового значения ‘каратель, палач’, отправной точкой для появления которого могла послужить негативная семантика ‘националист’: *Вот только снятся ли этим престарелым «змагарам»*

убитые дети, Тростенец, Витебское гетто и Хатынь? Да вряд ли. Они пишут мемуары... (СБ, май 2002); ср.: *Основные действующие лица из числа коллаборантов, повешенных ещё в 1945 году, давно истлели, из чудом унёсших ноги от советских танков «змагароў», доживающих иудин век в Кливленде, сыплется тяжёлый песок* (СБ, июль 2001).

Интересной особенностью белорусизма *гультай* ‘лентяй, бездельник, лодырь’ [13], в словарном значении которого уже содержатся семы негативной оценки, является его регулярное использование в русскоязычном тексте без графического выделения – как в газете «Советская Белоруссия», так и в «Белгазете»: *Да не таков он, не гультай. Надо деревню родную возродить, гостиниц, дворцов настроить, чтобы заморские гости сами к нам ездить стали* (СБ, фев. 2008); или: *– Летне-осенние страданные дни самые денежные, – заключил Николай. – Тот, кто у нас в такой период по миллиону в месяц не зарабатывает, гультай, его в деревне засмеют* (СБ, сен. 2006); ср.: *Так вот, они друг друга приветствуют так: «Привет, гультай такой-то». – «Гультай» – потому, что россиянин? – Да! Это уже вбито в мозги...* (БГ, окт. 2003); или: *Но если ты «бестолковый гультай», не стоит надеяться, что этот социальный лифт готов тащить на самый верх* (БГ, дек. 2013). Подобное словоупотребление можно объяснить сознательным позиционированием номинации *гультай* как своего рода «антисимвола» белорусской культуры, т.е. как компонента, принадлежащего к лексической системе белорусского языка, но не имеющего отношения к менталитету белорусов, олицетворяющего недопустимость праздного поведения.

Аналогичным образом используется белорусизм *утрыманец* ‘иждивенец’ [13], с той лишь разницей, что газетный контекст содержит редакторское пояснение иноязычного вкрапления: *Те смехотворно низкие закупочные цены, которые государство устанавливает для сельхозпроизводителей, делают его главным утрыманцем (утрыманец (белор.) – иждивенец. – «БелГазета») на шею крестьянина* (БГ, сен. 2010).

Употребление номинации *валтузня* ‘возня, суета’ [13] характерно в первую очередь для описания различных политических событий, при этом графического выделения данного слова в составе текста, как правило, не происходит: *Если начнётся валтузня, это будет война «Единой России» с какой-нибудь партией-клоном. Что коммунисты, что ЛДПР – не меньше* (БГ, март 2011); ср.: *Все рассуждают, кто кому должен подчиняться. Валтузня идёт, а дело стоит на месте* (СБ, фев. 2013). Как видим, сема ‘беспорядочная, неэффективная деятельность’ в лексическом значении белорусизма *валтузня* позволяет пишущему выразить своё мнение опосредованно, избежать прямых и однозначных оценок, что проявляется и в следующей газетной иллюстрации: *Определённым кругам в нашей стране <...> хочется шоу, перепалки у микрофонов, бури и, кажучы па-беларуску, валтузні на плошчах. Абсолютному же большинству людей это не нужно. Людям нужна мирная, спокойная, благополучная жизнь* (СБ, нояб. 2011). Своеобразие данного контекста заключается также в функционировании слова *валтузня* в составе белорусскоязычного словосочетания, вплетённого в ткань повествования с помощью вводной фразы *кажучы па-беларуску*. Смысл рассмотренного приёма в полной мере раскрывается лишь с опорой на фоновые знания, входящие в языковую картину мира представителей белорусского общества – это сведения о популистском отношении представителей отечественной оппозиции к проблеме статуса белорусского языка, эксплуатации ими данной темы в угоду сиюминутным интересам, что выражается прежде всего в использовании белорусского языка для публичных обращений к «народным массам».

Белорусизм *ганьба* ‘бесславление, бесчестье, позор, посрамление’ [13] и в газете «Советская Белоруссия», и в «Белгазете» употребляется только в одном из своих значений – ‘позор’: *«Ганьба!», «Позор!», – кричали болельщики после матча киевского «Динамо»* (СБ, окт. 2007); или: *Чернобыльцы в годовщину аварии на ЧАЭС осадил Верховную Раду и скандировали: «Азарову ганьба!»* (СБ, апр. 2012). Вместе с тем значительная часть газетных контекстов иллюстрирует использование названного белорусизма как слова-ярлыка, слова-характеристики, указывающего на социальную позицию адресанта, его принадлежность к оппозиционно настроенной части общества: *Из зала послышались крики «Ганьба!». Какой-то делегат-националист выражал своё несогласие с тем, что Бухвостов говорит по-русски* (БГ, окт. 2005); ср.: *Вообще, всем этим «пассионариям» с айфонами не важно, кому кричать «ганьба» – автобусному контролёру, милиционеру, пресс-офицеру – главное, что перед*

ними *представитель власти* (СБ, янв. 2016). Следующие газетные контексты также показывают, что вкрапления-белорусизмы в русскоязычный текст нередко представляют собой своеобразные индикаторы социальной позиции героя газетной публикации, при этом данный приём более характерен для издания «Советская Белоруссия»: *С. Алексиевич не могут простить, что в Стокгольме не прозвучало привычной митинговой лексики – «ганьба», «заяпад усяго на свеце» и т.п. Многочисленное – и смешное! – мнение: «яна здрадніца»... Но писатель оказалась выше навязываемого ей «партийного», читай, оппозиционного стиля* (СБ, дек. 2015); ср.: ... *«Уладам поўная ганьба», – констатирует Барыс Гарэцкі* (БГ, дек. 2015).

Анализ материала позволил выявить случаи внутриязыковой интерференции, когда тождество формы создаёт у пишущего иллюзию тождества содержания соотносимых слов. Так, очевидно влияние белорусизма *хованкі* ‘прятки’ [13] на возникновение «псевдобелорусизма» – номинации *хованка* в значении ‘то, что спрятано; клад’, производного от названия детской игры. Заметим, что в белорусском языке есть только однокоренной глагол *хаваць* – ‘прятать’, но нет слова *хованка* в указанном нами значении: *Когда под снос идет старый неสวิжский дом, непременно из своей фундаментной толщи он являет чью-то «хованку» на черный день. Большинство из найденных в городе кладов будет представлено в будущих музейных экспозициях замка* (СБ, фев. 2003); ср.: *В конце прошлого года и начале текущего «хованка» в долларах переводилась в белорусские рубли* (БГ, март 2014).

Оригинальным примером межъязыковой фонетической интерференции служат лексемы-антонимы *чэсныя* ‘честные’ и *нячэсныя* ‘нечестные’ (белорусский аналог русского слова *честный* – *сумленны*), на возникновение которых оказали непосредственное влияние особенности фонетической системы белорусского языка: *«Знаменка» являлась постоянной кузницей кадров, оттуда родом, как из детства, почти все нынешние главные, и те, которые «чэсныя», и те, что «нячэсныя»* (СБ, нояб. 2002); или: *Все от лукавого – эти разговоры: «государственные» газеты, «негосударственные», «чэсныя» журналисты, «нячэсныя»...* (СБ, окт. 2001); ср.: *Общество – это «они» и «мы», «чэсныя» и «нячэсныя»* (БГ, сен. 2007); или: *Кирилла Живоловича так и не позвали в члены ни в «чэсны» Белорусский союз журналистов (БСЖ), ни в «нячэсную» Белорусскую ассоциацию журналистов (БАЖ)* (БГ, окт 2006). Рассмотренные газетные иллюстрации позволяют сформулировать значение данных «псевдобелорусизмов» следующим образом: *чэсны* – ‘характерный для государственной власти’, *нячэсны* – ‘характерный для представителей оппозиции’. Вместе с тем как иноязычное фонетическое вкрапление в русскоязычном тексте, характеризующее произносительные особенности жителя Беларуси, слово *чэсныя* используется редко: *Женищина кивнула: «Самыя чэсныя людзі!»* (из разговора о национальном характере белорусов) (БГ, авг. 2014).

В ряде случаев политическая ориентация издания оказывает существенное влияние на разницу в употреблении белорусизмов, что наиболее рельефно проявляется на примере лексем-прилагательных: *Зато у поколения «тутэйшых» была миссия, которую они выполнили* (СБ, июль 2013); или: *В литературном пространстве прекрасно просматривается поколение «тутэйшых», которые начинали как раз в 1980–1990-е годы, а сегодня представляют центр литературного процесса* (СБ, дек. 2010), где адъектив *тутэйшы* ‘здешний, туземный’ [13] развивает дополнительный компонент значения ‘характерный для белорусской культуры, белорусского общества’. Лексема *тутэйшы* может субстантивироваться, а также порождает контекстуальные производные: *Противопоставление «я – тут, «тутэйшы», а он – пришелец». «Тутэйшасць», на самом деле – не это* (СБ, янв. 2005).

Функционирование белорусизма *тутэйшы* в негосударственном издании «Белгазета» показывает возникновение в данном слове коннотативного макрокомпонента семантики ‘неполноценный вследствие принадлежности белорусской культуре, обществу, государству’: *Малахольный «тутэйшы» бизнес ищет у государства спасения от железной пяты беспощадных транснациональных корпораций* (БГ, фев. 2013); или: *Белорусская аудитория – другое дело. «Тутэйшы» зритель при просмотре послушно смеется и напрягается в специально отведенных местах* (БГ, сен. 2008); ср.: *Тутэйшы ресторанный бизнес во многих случаях – это вообще не бизнес, если понимать целью бизнеса получение прибыли* (БГ, фев. 2015). Вместе с тем в некоторых газетных контекстах слово *тутэйшы* реализует традиционное значение ‘здешний’: *Тутэйшы Куришавель обустройствается. Прокуратура съездила в Раубичи* (БГ,

окт. 2007); ср.: *Есть люди – Василь Быков, например, – благодаря просто физическому существованию которых можно гордиться тем, что ты – «тутэйшы»*. Есть авторы национальной идеи в тех или иных ее версиях (БГ, сент. 2000).

При анализе материала было установлено, что лексемы, которые регулярно употребляются для характеристики важных черт белорусского менталитета – белорусизмы *памяркоўны* и *шчыры* – обладают диффузной, нечёткой семантикой. Так, слово *памяркоўны* в зависимости от контекста реализует значения ‘покладистый, сговорчивый, терпеливый, умеренный’ [13], что почти всегда сопровождается его графическим выделением: *Чувствуют они себя в белорусской столице вполне комфортно: люди у нас, как известно, «лагодныя і памяркоўныя», не обидят, еще и подадут* (СБ, авг. 2001); или: *... говорят, что мы такие настоящие, «памяркоўныя», без фальши, искренние* (СБ, окт. 2009); ср.: *Хотя вообще у нас зритель «памяркоўны» – молча досидит до конца* (БГ, апр. 2010); или: *Более того, самый «памяркоўны» из националов был бывший редактор «Літаратуры і мастацтва» Алесь Письменков* (БГ, сент. 2002). В ряде случаев названный белорусизм развивает семантику ‘простой, непосредственный’: *Наши граждане – народ «памяркоўны», без барских замашек* (СБ, июль 2010); ср.: *Да ладно, мы – памяркоўныя, мы – жители «хрущобы». Сами зашпакуем* (СБ, нояб. 2007), а также ‘рассудительный’: *«Памяркоўны» – это рассудительный! Так и ходим, рассуждаем* (БГ, июнь 2008).

Адъективу *шчыры* свойственна богатая палитра значений и их оттенков: ‘душевный, искренний, истинный, неподдельный, открытый, подлинный, простосердечный, прямой’ [13], самыми распространёнными из которых являются ‘душевный, искренний, открытый’: *«Мы з белай і шчырай Русі». Витебщину посетит делегация иностранных гостей* (СБ, июнь 2006); или: *Как же иначе, – улыбались тургеновцы, – белорусы «шчыры» угощеньем...* (СБ, апр. 2013); ср.: *Мы пытаемся сейчас доказать, что у нас самые чистые улицы, а белорусский народ – самый «шчыры»* (БГ, сент. 2013). Вместе с тем анализ употребления белорусизма *шчыры* в негосударственном издании «Белгазета» показывает возникновение у данного слова иронично-сниженной коннотации: *Еще немного, и «цицерон» действительно развязал бы шчыры мордобой* (о неудачном выступлении политика на митинге) (БГ, окт. 2010); или: *Сом бесчестуичатый – «шчыры», душа нараспашку. Сом теплолюбив – нуждается в энергоносителях. Сом – партизан в душе* (БГ, авг. 2013); ср.: *В Донецком аэропорту был тяжело ранен нацгвардеец – тоже шчыры украинец с американским паспортом* (БГ, июнь 2014).

Значительное воздействие экстралингвистических факторов на язык проявляется в традиции использования белорусизма *свядомы* ‘осмысленный, сознательный’ [13] в русскоязычном тексте, где это определение реализует совершенно новое, негативно окрашенное значение – ‘принадлежащий к оппозиции, характерный для нее’: *Вспоминаю я и знакомых из стана «свядомых». Примечательны они пристрастием к бурным речам* (СБ, сент. 2002); или: *И не назло кому бы то ни было мы идем вперед, а ради себя же самих и своих детей. Вот только невдомек это все тем же «свядомым» правдолюбцам* (СБ, авг. 2003); ср.: *Этот вопрос можно абросовать и части той «свядомай» интеллигенции, критикующей проводимый Беларусью курс* (СБ, окт. 2008). В следующей газетной иллюстрации белорусизм *свядомы* развивает значение ‘о том, кто отличается приспособленческим поведением’: *Не могу без отвращения вспоминать начало 90-х, когда почти все начальники начали мэкать и бэкать «на мове». А когда миновала надобность, из внезапно «свядомых» дружными колоннами вернулись на исходные позиции* (СБ, янв. 2004). Отметим, что все рассмотренные газетные контексты относятся к государственному изданию «Советская Белоруссия». Для «Белгазеты» характерно нейтральное использование адъектива *свядомы* как самоназвания определённой части белорусского социума, критически относящейся к действиям государственной власти: *О том, кто кричал громче всех и какие отдельные руководители в этом виноваты, «БелГазете» рассказал «свядомы» минчанин Виталий Олешкевич* (БГ, янв. 2012); ср.: *Хотя свядомы Минск должен был входить предпоследним, но отдельные независимые журналисты просочились вместе с Витебской делегацией* (БГ, янв. 2013); или: *Каким образом сегодня в Беларуси можно было бы создать «нацыянальна-свядомы» бизнес?* (БГ, апр. 2010).

Использование экспрессивно окрашенного белорусизма *гамон* ‘конец, кранты’ [14] направлено на усиление выразительности высказывания, придания ему разговорного характера и своеобразного национального колорита: *У меня колесу гамон! Сплошные искры! Может, дотяну до заправки! – кричит из «Мерседеса» Сергей* (СБ, окт. 2015); или: *При таком раскладе нервам однажды тоже придет гамон. Но неврологов тогда ни о чем не спрашивали* (БГ, фев. 2013); ср.: *Это был полный гамон! Они там все валят мимо кассы! Один только Джон Лорд играл что-то внятное* (БГ, апр. 2012).

Аналогичным образом употребляется и слово *знянацку* – ‘неожиданно, вдруг’ [13], сохраняя свое словарное значение: *Легких зим в Беларуси не бывает, они готовы «знянацку» преподнести нештатные сюрпризы* (СБ, дек. 2007); ср.: *Для белорусов «знянацку» претендовать на любом из локальных рынков на долю, превышающую их долю на мировом рынке, несколько самонадеянно* (БГ, янв. 2013). Такого рода слияние книжности и разговорности, размывание границ публичного и обиходно-бытового общения объясняется стремлением журналистов реализовать основную стратегию современных СМИ – стратегию близости к адресату: «Считается, что если СМИ будут говорить на том же языке, что и большинство в современном обществе, использовать те же правила общения, что в обиходно-бытовой сфере человека, тексты СМИ станут более понятными и доступными массовому адресату» [15, с. 28].

Таким образом, анализ функционирования вкраплений-белорусизмов в русскоязычном газетном тексте показал, что такие элементы несут в себе дополнительную семантическую, стилистическую и прагматическую нагрузку, позволяя интерпретировать социальную позицию как издания, так и автора публикации, а также дают возможность пишущему выразить свою оценку опосредованно, избегая прямых и однозначных характеристик описываемого явления.

Литература

1. Верховцова, Т.О. Лингвокультурные особенности функционирования прецедентных феноменов в заголовках газет (на материале русскоязычной прессы Беларуси) / Т.О. Верховцова // Вестник Белорус. гос. ун-та. Сер. 4. Филология. Журналистика. Педагогика. – 2008. – № 1. – С. 49–54.
2. Воробьева, О.И. Экспрессивность рекламы в аспекте коммуникации / О.И. Воробьева // Вестн. Витебск. гос. ун-та. Сер. 6. Языкознание. – 2005. – № 2 (36). – С. 71–74.
3. Журавлева, Н.Н. Смысловая и стилистическая нагрузка белорусизмов в русскоязычном тексте / Н.Н. Журавлева, О.В. Потапова // Язык и социум : материалы IX Междунар. науч. конф., 3–4 декабря 2010 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Л.Ф. Гербик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – Ч. 3. – С. 66–69
4. Козловская, Л.А. Зеркало расхожей эрудиции, или инварианты восприятия прецедентных высказываний в условиях речевой масс-культуры / Л.А. Козловская // Вестн. БГУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. – 2011. – № 1. – С. 40–43.
5. Крицкая, Н.В. Новые речевые явления в языке газет / Н.В. Крицкая // Язык и социум : материалы IX междунар. науч. конф., 3–4 декабря 2010 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Л.Ф. Гербик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – Ч. 2. – С. 103–106.
6. Андреева, Л.С. Сравнение приемов наименования публицистических статей на материале газет 1985–2005 гг. / Л.С. Андреева, Е.А. Кривонос // Язык и социум : материалы IX междунар. науч. конф., 3–4 дек. 2010 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Л.Ф. Гербик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – Ч. 3. – С. 8–10.
7. Ивченкова, Е.В. Соматические фразеологизмы как языковые экспоненты культурных знаков в газетном тексте / Е.В. Ивченкова // Вестн. БГУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. – 2011. – № 3. – С. 101–104.
8. Іўчанкоў, В.І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту / В.І. Іўчанкоў. – Мінск : БДУ, 2003. – 257 с.
9. Капуста И.Л. Языковые инновации в белорусских СМИ / И.Л. Капуста // Феномен коммуникации в социально-гуманитарном знании и образовании : мат. междунар. науч.-практ. конф., 12 мая 2002 г. / Белорус. гос. ун-т ; РИВШ БГУ. – Минск, 2002. – С. 49–50.
10. Ларина, Т.И. Феномен ономастического тропа в русском, польском и английском языках (на материале современной публицистики) / Т.И. Ларина // Вестн. БГУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. – 2009. – № 1. – С. 70–75.

11. Перепись населения – 2009: Выходные регламентные таблицы [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет РБ. – Режим доступа : http://www.belstat.gov.by/homep/ru/reperc/2009/itogi3_new.php. – Дата доступа : 11.10.2010.
12. Махонь, С.В. Белорусские языковые элементы в переводах одинаковых художественных текстов / С.В. Махонь // Вопросы лингвистики. – 1996. – № 1. – С. 73–78.
13. Русско-белорусский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.skarnik.by>. – Дата доступа : 06.03.2016.
14. Белорусско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/all-byelorussian/dictionary-byelorussian-russian2-term-10046.htm>. – Дата доступа : 06.03.2016.
15. Кормилицина, М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет / М.А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т ; под ред. : М.А. Кормилициной, О.Б. Сиротининой. – Саратов, 2008. – С. 28.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 05.03.2016

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ. Ф. СКОРИНЫ